
ГОСУДАРЬ И ЕГО ГОСУДАРСТВО: ОПЫТ ВОПЛОЩЕНИЯ ИДЕИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ПАВЛА КРУСАНОВА

Е.В. Борода

Кафедра истории русской литературы
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
ул. Советская, 93, Тамбов, Россия, 392000

Масштабные идеи и сильные характеры — отличительные черты творчества Павла Крусанова. Роман «Укус ангела» представляет собой альтернативную историю. Автор пытается показать достоинства и опасности воплощенной идеи Империи, а также привлекает внимание к образу великого человека.

Никто не знает, насколько замысел автора отличается от его художественного воплощения. Особенно если автор берется за создание собственной мифологии и интерпретацию фундаментальных идей.

Павел Крусанов называет себя петербургским фундаменталистом, или неопредмеченным фундаменталистом, принимая в качестве фундамента «осмысленную широту жеста и величие порыва» [2. С. 47]. В соответствии с этим неопредмеченным фундаментализмом уже подразумевает определенную тематику и принципы типизации. В первую очередь это, конечно, глобальные идеи и масштабные характеры. У Крусанова это идея Незримой Империи и образ «великого человека».

Для развития своей концепции в этом направлении Крусанов выбирает альтернативную историю. В 2000 г. он издает роман «Укус ангела», самый шумевший и противоречиво воспринятый именно в силу своей исторической фундаментальности.

По версии писателя, со времен Крымской войны, имевшей прямо противоположный исход, история России сложилась иначе. Технический прогресс идет своим путем, но при этом сохраняется родовой помещичий уклад, проводится символическая реформа армии. В результате мы видим, например, уездного предводителя дворянства перед экраном телевизора в родовом поместье, кадета Ивана Некитаева, прибывшего в это же поместье на рейсовом автобусе, войска с метафорическими именами Воинов Блеска, Ярости, Силы и Камня.

Историческая картина рисует величие Государства и воплощает эстетику «имперского сознания», столь близкую Крусанову. Стоит остановиться на идее Империи подробнее, поскольку это краеугольный камень мировоззрения писателя и эстетики его творчества. По мнению Крусанова, идея Империи присуща сознанию большинства индивидуумов и коллективному сознанию любого народа. Это во-первых. Проявляется она, разумеется, по-разному: у одних — в природной воле к власти, у других — в желании ощутить себя в объятиях железной руки.

Имперское сознание выражается во всенародном уповании на золотой век и праведное воцарение. У каждого народа есть легенда о наступлении либо воз-

вращении золотого периода всеобщего благоденствия, предание о Незримой Империи, будь то Великая Монголия или Небесная Россия.

Во-вторых, Империя, настаивает Крусанов, — это прежде всего категория идеального мира, такая сфера сознания. Скорее всего, это идея, которая в любом случае пребудет совершеннее любого своего воплощения. Не случайно в опросах, интервью и статьях писатель неоднократно подчеркивает, что не приветствует фактическое возрождение Империи ни в советском варианте, ни в виде монархии.

Империя воплощенная рискует превратиться в свой «опошленный эйдос», Единое Государство, обреченное на неизбежный коллапс. «Укус ангела», по признанию автора, — это своего рода наказ:

«Империи не следует воплощать идею всемирности, она должна иметь границы и если не врага, то соперника на этих границах. Уничтожив последнего соперника, Империя уничтожит и себя самое» [2. С. 244].

В романе, правда, государство именуется Империей, но в сфере авторских идей это, очевидно, разные понятия. Возвеличение Государства прямо пропорционально умалению человеческой личности. Эти процессы взаимообусловлены, и нельзя с точностью сказать, что чем инициировано. То, что прочная диктатура опирается на подданных, в массе своей тяготящихся свободой и желающих переложить бремя выбора на чужие плечи, — это бесспорно.

Вместе с тем диктатура неизбежно порождает массового усредненного человека, «маленького» человека. С этим тоже трудно поспорить. Но если Империя сама диктует условия и если любой человек, независимо от положения, становится рабом системы, то рано или поздно неизбежен кризис власти, поскольку правителями становятся те же ничтожества, маленькие люди, «крапивное семя». Такая власть не подкрепляется личной волей правителя, она держится только за счет «святости места», за счет традиции, превратившейся в историческую инерцию. Именно такова в предыстории романа власть Отца Народов: Империей правит труп.

Тогда появляется великий человек — как воплощенный протест против ничтожества, как средоточие силы и героизма, как истинный царь, способный изменить мир по своему усмотрению, поскольку сам вписывается в иной масштаб, нежели неистребимый род земляной блохи (по Ницше).

Атмосфера крусановского художественного мира действительно сродни ницшеанскому мироощущению, что не раз было замечено современной критикой. Однако, сосредоточивая внимание на центральном персонаже, нынешнем варианте сверхчеловека, несколько упускали из виду то, что писатель невероятно близок именно истокам ницшеанского томления: отращиванию к воцарившейся пошлости, тоске по несбыточному и жажде особой любви Бога / поцелуя ангела.

«Общее вырождение... и измельчание человека до совершенного стадного животного... превращение человека в карликовое животное с равными правами и притязаниями *возможно*, в этом нет сомнения!», — восклицает Ницше [4. С. 654]. «Эта вошь, эта человеческая мелочь, еще недавно трясающаяся у порогов больших людей, превращается в злобную агрессивную тварь, требующую признания своего ничтожества за идеал современника» [1. С. 59], — вторит Крусанов.

Исторический фон и детальное осмысление эстетики Империи вписываются в замысел романа для того, чтобы показать, на какой почве взращен сверхчеловек Иван Некитаев.

Неофундаментализм по самому своему определению представляет собой царственную альтернативу всему усредненному, массовому, клишированному, будь то потребительские ориентиры или личность самого потребителя, так что, призывая перенести взор на великого человека, Крусанов не то чтобы полемизирует с устоявшейся традицией русской литературы XIX в. с ее пристальным вниманием к внутреннему миру человека маленького — скорее его тревожит повсеместный приоритет последнего. Если следовать логике Крусанова, то художественное пространство при таком подходе превращается исключительно в территорию рефлексии и теряет эпический размах и масштабность проблематики.

Литература XIX в. научила художника и читателя понимать маленького человека, но она не призывала воздавать почести «человеческой мелочи». Писатель-неофундаменталист восстает против ничтожества и — что характерно — против позиции компромиссов, оправдывающей власть этого ничтожества.

«Маленькие людишки вошли в чины, сели в подножии власти и пишут законы... Лично от себя... маленький человек способен написать только один закон — закон политкорректности» [2. С. 59].

Некитаев вовсе не тиран в привычном понимании. Он скорее человек, во-первых, живущий по законам войны и отдающий себе отчет в том, что война является действующим принципом во всех сферах жизни, и, во-вторых, знающий истинную цену большинству людей.

«Государю не нужны убежденные монархисты, государю нужны рабы», — полагает Иван [3. С. 367]. Вот так просто и без излишнего пиетета Некитаев выражает мораль власть имущих. Казалось бы, обнажение истинной природы власти — не такой уж новый прием в литературе. Да и сам герой замечает, что это азбучная истина. Однако в этот раз в отказе государя от убежденности подданных звучит полное пренебрежение к их воле. Сверхчеловек оперирует силами иного уровня. Тому, кто посягает на гармонию Космоса, незачем завоевывать расположение и подавлять недовольство малых сих.

Царственное равнодушие императора проявляется не только по отношению к человечеству, но и к произволу судьбы:

«Если в дороге на обед не случилось крошки с осетриной или телячьей грудинки с грибами, Иван мог запросто обойтись куском хлеба и сладкой фиолетовой луковицей, если посольским или дворцовым этикетом ему не предписывался батист, фрак и бриллиантовые запонки, он предпочитал привычное армейское исподнее и сукно полевого мундира, если обстоятельства вынуждали его к отмене собственных решений, он без колебаний отменял обстоятельства» [3. С. 238].

Оттого, заметим, в романе отсутствуют сцены, демонстрирующие взаимоотношения императора с народом. Упоминается о славе и репутации, которую заслужил Некитаев, — и только. Государь и народ находятся в разных плоскостях многомерной структуры власти. При этом если народ нуждается в организующем

влиянии лидера и отчасти в самой идее обожествления, то государь поистине самодостаточен.

В этой связи обратимся к повествованию о Надежде Мира. Предание о Надежде и история Ивана Некитаева дополняют друг друга. Девочка Клюква (будущая Надежда) заставляет вспомнить образ Афродиты Всенародной. Это воплощенный и опозитизированный демос, склонный к обожествлению и пассивному восприятию чужой воли, но, помимо этого, склонный к столь же внезапному развенчиванию кумира.

Главы о Надежде Мира в романе представляют собой отдельное повествование. В соответствии с замыслом романа Крусанов в полной мере использует особенности жанра альтернативной истории и создает внутри произведения альтернативную мифологию. Мы еще вернемся к сюжетной линии Надежды, поскольку линия эта полифункциональна.

В создании нового мифа Крусанова привлекает не только сюжетная основа, но и сама мифологическая основа мышления, то есть, по-видимому, то, что вкуче входит в обозначенное писателем понятие неомифологического пространства [2. С. 296]. Потому композиция романа состоит из разрозненных глав, не вписывающихся в хронологическую последовательность, повторяющих события и дополняющих друг друга постепенно, в соответствии со степенью востребованности информации. Подобный композиционный прием встречается в другом произведении писателя — романе «Ночь внутри».

Так и в «Укусе ангела»: мы видим Ивана Некитаева в кругу семьи и в стенах кадетского корпуса, на поле брани и на приеме в светском салоне. При этом наиболее значимые эпизоды из жизни героя получают трактовку со стороны различных людей — слушателей, участников событий, свидетелей, наконец, читателей. Каждый из перечисленных, взяв за основу свершившийся факт, волен вносить в повествование свою собственную интерпретацию. А это уже подлинное создание мифа.

Невероятное зачатие Ивана Некитаева, мать, превратившаяся в рыбу, любовная связь с сестрой... Все эти полусказочные-полумифические детали и обстоятельства создают ореол таинственности вокруг центрального героя. Фантастические атрибуты вообще характерны для поэтики Крусанова, им зачастую вовсе не вменяется в обязанность нести особую смысловую нагрузку. Но в данном случае это все значимые элементы.

То, что именно процесс зачатия послужил причиной смерти отца, делает Ивана невольным убийцей родителя. Возникает конфликт отца и сына в его архаическом, архетипическом выражении. Это зеркальная аллюзия, отсылающая к Кроносу, пожирающему собственных детей. В романе она подкреплена фразой старца-пламенника о том, что в России оппозиция поколений представлена не Эдипом, убившим отца, а Иоанном Грозным, умертвившим сына: «Здесь не сын на отца посягает, а наоборот — родитель дитятю гробит» [3. С. 97]. Получается, прошлое стремится жить за счет гибели будущего.

В случае с Иваном все происходит наоборот. Участвуя в конфликте, Иван еще до рождения не ограничивается ролью обыкновенно человека, но становится

олицетворением будущего, которое безжалостно отрицает прошлое. Герой своим рождением / зачатием опровергает порочный сценарий, заявляя не только свое право на жизнь, но и намерение заново перекроить матрицу мироздания.

Никаких соображений, кроме личных, у Ивана не имеется. Им движет не идея, не благие намерения осчастливить человечество против его воли, не благородная рефлексия по поводу собственного предназначения, а исключительно любовь. Страсть, которая, учитывая масштабность личности героя, смогла стать движущей силой для всего миропорядка.

Крусанов убежден, что мотивы поступков человека следует искать исключительно в сфере личных страстей и привязанностей. Согласно его суждению, «именно личные проблемы составляют смысл существования человека в мире: опыт любви, риска, верности и предательства, поиск собственного предназначения... Для человека нет ничего важнее этих вещей, и даже исторические события по большей части происходят именно тогда, когда непримиримо перехлестываются чьи-то личные интересы» [1. С. 485]. Это цитата из другого его романа «Американская дырка».

Другое дело, что личности такого масштаба, чтобы суметь перекроить мир в соответствии со своими идеями, достаточно редки. «Размягчение мозгов», «вирус политкорректности» — вот, по Крусанову, симптомы выродившегося гуманизма. «Гуманистическая идея дискредитировала себя двуличием, фальшью и безволием, тем самым мармеладным прекрасодушием, которое вызывает у человека, живущего в реальном мире страстей, приступы не то зловещего смеха, не то яростного плача» [2. С. 70], «Гуманизм есть следствие отрицания всего сверхчеловеческого и, значит, в первую очередь Бога» [2. С. 234], — считает он.

Как видим, писатель скептически относится к идеям гуманизма с его умозрительной и пассивной любовью к человечеству. В качестве движущей силы и источника духовной энергии ему ближе чувственно мотивированная позиция. С моралью такое чувство не то чтобы находится в противоречии, но, пожалуй, никак не соотносится. Некитаев живет, руководствуясь собственной моралью, находящейся поистине по ту сторону добра и зла.

Конфликт прошлого и будущего дублируется историей Надежды Мира и Отца Народов. Жизненная сила и любовь Надежды вступают в схватку с Империей Отца. На его стороне — мощь вооруженной армии, но сам он мертв. В буквальном смысле. Это отмирающая часть истории, которая должна быть похоронена, чтобы расчистить место для новой жизни. Однако умирающий мир все еще цепляется за существование, он еще способен вести борьбу.

На стороне Надежды Мира — только неумолимый закон времени. Но он оказывается сильнее всякого оружия. Чудесным образом надежда / будущее выбирается из плена, находит сторонников и, естественно, побеждает.

Повествование о Надежде Мира, переключаясь с историей Ивана, является отчасти предтечей и объяснением основных событий, отчасти их символическим выражением. «Я люблю тебя, и пусть любви моей ужасаются небеса и глина, из которой слеплены люди» [3. С. 231], — восклицает Надежда. Перипетии ее

любви имели громадные последствия. Но и чувство Ивана заставляет умыться кровью всю Империю, что еще раз подчеркивает его природное величие, уподобляет античным богам, у которых события личной жизни проецируются на существование простых смертных.

Недаром воцарение Ивана Некитаева, его овладение телом Империи соотносится с мифическим представлением о браке Неба и Земли. Именно в таком свете старик-пламенник представляет грядущее пришествие истинного государя.

Мать-рыба и сестра-любовница опять же ставят образ Ивана в один ряд с богами древности, в родословной которых, к какой бы мифологии мы ни обратились, можно найти немало примеров происхождения от животных, а кровосмешение не являлось препятствием для любовного союза.

Любовь к собственной сестре к тому же помогает ощутить масштаб внутренней свободы героя — уже по человеческим меркам. Мера свободы определяется его желаниями и волей. Первый раз мы становимся свидетелями демонстрации силы героя в эпизоде у озера, с Петром Легкоступовым. Остановимся на этой сцене.

«Ничего не подозревающий Легкоступов, спугнув стайку водомеров, зашел в озеро по грудь, что удалось ему за три с половиной шага, и тут настигший его Иван невозмутимо и по-военному четко продемонстрировал усвоенный урок. Взяв в кулак волосы на затылке Петруши, кадет Некитаев решительно окунул голову соперника в озеро, вода которого, по непроверенным местным слухам, считалась целебной. Извергая пузыри и поднимая придонную муть, Легкоступов забился и засучил в воде руками, однако Иван держал жертву крепко. Когда Петруша обмяк и пальцы его перестали цепляться за руки и ноги мучителя, Некитаев вытащил едва живого герменевтика на берег...

Наконец, насилиу оправившись, Петруша немощно растянулся на траве и судорожно прошипел:

— Дрянь! Ублюдок! Я же утоп!

Но Иван был мрачен и убедительно серьезен...

— Запомни, Легкоступов: я знаю, что кровь во мне стала черной. Кровь во мне переменялась, и теперь *мне все можно*» (выделено нами — Е.Б.).

Вот он, момент осознания себя избранным, момент пробуждения воли. До сего времени могучая природа дремала внутри Ивана. Попытками разбудить ее оказываются предсказания старца, передающего юному кадету Некитаеву медальон, предназначенный для истинного царя. Однако только сильное чувство оказывается способным мобилизовать внутренний ресурс героя.

Иван уверенно ступает на выбранный путь и сразу же оговаривает границы, вернее, безграничность, своей свободы:

«— А впредь давай устроим так, — предложил Иван, — я буду делать как захочу, а ты будешь объяснять, почему я поступаю правильно» [3. С. 25].

Некитаев последовательно преступает все ценности существующего мироустройства. Он попирает человеческое достоинство (сцена с мнимым расстрелом князя Кошкина), приносит в жертву человеческую жизнь (сцена в самолете с Кауркой), оскверняет саму человеческую природу (создание уродца-гомункулуса). Покончив со всем «человеческим», Иван принимается за Империю, обретает неограниченную власть. И наконец, он посягает на весь мировой порядок, намерева-

ясь довести войну до конца и выпустить на волю неуправляемые силы мироздания в облике псов Гекаты.

Императора предупреждают, что такая схватка не оставит ни победителей, ни побежденных, потому что эти твари не знают ни союзников, ни врагов. Только силы такого масштаба способны вызвать волнение Ивана.

«Он, как и остальные, не избежал дыхания смерти — на губах его виднелись следы зубов, а мозг был стянут обжигающим ледяным обручем, — но взгляд государя оставался горделивым и сияющим» [Там же. С. 399].

Таким мы видим Ивана после созерцания в магическом зеркале ужасных псов.

От исхода предстоящей битвы зависит многое. Для Ивана она, может быть, станет самым главным испытанием. В случае если ему удастся задуманное, он докажет себе и всему миру свою принадлежность к сфере иного масштаба, в которой не действуют привычные представления о добре и зле, силе и слабости. Как знать, может быть, он единственный, кто способен укротить эти потусторонние дьявольские силы?

Но если он проиграет эту битву вместе со всеми, будущее само положит себе предел. Иван — последняя фаза становления мира. Он по самой своей природе не сможет иметь преемника, так как он — вершина, сверхчеловек, возвысившийся в холодном величии и не способный отступить.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Крусанов П.В. Американская дырка // Триада: романы. — СПб.: Амфора, 2007.
- [2] Крусанов П.В. Все прочее — литература: сборник эссе. — СПб.: Амфора, 2007.
- [3] Крусанов П.В. Укус ангела: Роман. — СПб.: Амфора, 2004.
- [4] Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Сочинения. — М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999.

THE RULER AND HIS STATE. CRUSANOV'S EXPERIENCE OF INCORMATION DIFFERENT IDEAS IN HIS LITERARY WORKS

E.V. Boroda

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
located on Sovetskaya, 93, Tambov, Russia, 392000

Grand ideas and powerful characters are features of Crusanov's style. His novel «The angel's bite» is the alternative creation. We know, how wide — spread the idea of creating an Empire is. The author depicts all its merits, but at the same time warns the reader what danger may threaten mankind if this idea comes true. Also he pays our attention to the image of a great personality.